

УДК 172.1

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-402-410>

EDN: VPJGOF

Поступила: 19.02.2024

Принята: 23.05.2024

Опубликована: 03.10.2024

АМЕРИКАНСКАЯ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКАЯ УТОПИЯ: ГЕНЕЗИС И ПРОБЛЕМЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Куликов Михаил Вячеславович

Кузбасский институт ФСИИ России (Новокузнецк)

Статья посвящена генезису жанра социально-философской утопии в американской интеллектуальной культуре, что представляется весьма интересной темой для исследования, поскольку именно в утопии собираются воедино онтологические, гносеологические, антропологические, аксиологические, философско-исторические смыслы эпохи и культуры. Цель работы — обнаружить смысловое единство американской утопии и понять причины ее кризиса. Обращение к традиции американской утопии связано с тем значением, которое она имела для становления этой культуры и цивилизации как воплощенного «Града на холме», «Общества равных возможностей», «Маяка надежды». В качестве репрезентантов американской социально-философской утопии взяты Генри Торо, Беррес Фредрик Скиннер, Роберт Нозик и Ричард Рорти. Обращается внимание на отличительную черту американской утопии — ее открытый характер, отсутствие фундаментальных, заранее предопределенных установок, плюралистичность. Сделаны выводы о причинах кризиса утопического теоретизирования в американской культуре, что, на наш взгляд, связано с утвердившимся в общественном сознании эпохи позднего капитализма ощущением «конца истории», которое приводит к отказу от будущего в пользу бесконечного повторения одних и тех же сюжетов и обреченности на пребывание в застывшем времени; ретроутопией как поиском оптимального жизненного проекта в прошлом, а не будущем; хонтологией как состоянием некогда бытовавшей, но так и не сбывшейся надежды на прогрессивное движение в будущее; конспирологией как способом объяснения мира через заговор и обман. Все это порождает разочарование для глобализированного общества позднего капитализма, депрессию как основной симптом времени, тоску по другим, уже недоступным сценариям развития культуры, щемящее чувство ностальгии.

Ключевые слова: утопия, Америка, Генри Торо, Фредрик Скиннер, Роберт Нозик, Ричард Рорти, Уолден, «постмодернистский буржуазный либерализм», бихевиоризм, ретроутопия, хонтология, конспирология.

Для цитирования:

Куликов М.В. Американская социально-философская утопия: генезис и проблемы репрезентации // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 3. С. 402–410.
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-402-410>. EDN: VPJGOF

AMERICAN SOCIO-PHILOSOPHICAL UTOPIA: THE GENESIS AND PROBLEMS OF REPRESENTATION

Mikhail V. Kulikov

Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk)

The genesis of the genre of socio-philosophical utopia in American intellectual culture seems an important research topic since it is in this concept that the ontological, epistemological, anthropological, axiological, philosophical and historical meanings of the era and culture come together. The purpose of the work is to discover the semantic unity of the American utopia and understand the reasons for its crisis. The tradition of American utopia is taken for analysis due to the significance that it had for the formation of this culture and civilization as the embodied «city upon a hill», «society of equal opportunities», «beacon of hope». Henry Thoreau, Burrell Fredrick Skinner, Robert Nozick, and Richard Rorty are taken as representatives of the American socio-philosophical utopia. Attention is drawn to the distinctive feature of the American utopia — its open nature, the absence of fundamental, predetermined guidelines, and pluralism. The paper provides conclusions about the causes of the crisis of utopian theorizing in American culture, which, in our opinion, is associated with: the feeling of the «end of history» that has become established in the public consciousness of the era of late capitalism, which leads to the rejection of the future in favor of the endless repetition of the same plots and to being doomed to remain in frozen time; retrotopia as a search for an optimal life project in the past, not the future; hauntology as a state of once existing but never realized hope for a progressive movement into the future; conspiracy theories as a way of explaining the world through conspiracy and deception. For the globalized society of late capitalism, all this gives rise to disappointment, depression as the main symptom of the time, longing for other, no longer accessible cultural development scenarios, and a nagging feeling of nostalgia.

Keywords: utopia, America, Henry Thoreau, Fredrick Skinner, Robert Nozick, Richard Rorty, Walden, «postmodern bourgeois liberalism», behaviorism, retrotopia, hauntology, conspiracy theory.

To cite:

Kulikov M.V. [American socio-philosophical utopia: the genesis and problems of representation]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofija. Psihologija. Sociologija* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2024, issue 3, pp. 402–410 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-402-410>, EDN: VPIJOF

Введение

В данной статье предпринята попытка рассмотреть генезис жанра социально-философской утопии в американской интеллектуальной культуре. Утопическое теоретизирование как поиск образа идеального, желаемого типа общества имеет в этой культуре давнюю историю и представлен на разных уровнях: социально-философском, политико-идеологическом, художественном, религиозном, мифологическом [Баталов Э.Я., 1982]. Предметная область исследования ограничена утопическими проектами и экспериментами Генри Торо, Берреса Фредрика Скиннера, Роберта Нозика и Ричарда Рорти. В

случае с Торо и Скиннером их выбор обусловлен идейной преемственностью авторских проектов, случай Нозика объясняется важностью осмысления утопии с позиции аналитической философии, казалось бы, игнорирующей подобного рода проблематику. Проект «постмодернистского буржуазного либерализма» Ричарда Рорти выбран по причине большой полемики, вызванной авторской концепцией «либерализма без оснований». К тому же в работах Рорти прослеживаются размышления о тех проблемах, с которыми столкнулась американская (и шире, западная) культура в отношении утопических проектов.

**Уолден Г.Д. Торо и Уолден Два
Б.Ф. Скиннера: эволюция утопического
проекта**

В 1948 г. в США вышла книга выдающегося американского психолога-бихевиориста Берреса Фредерика Скиннера (1904–1990) «Уолден Два». В этой книге, написанной в жанре научно-фантастической утопии, автор попытался донести свои соображения, касающиеся возможности построения общества с помощью методов социальной инженерии. Название книги отсылает нас к программному роману представителя американского трансцендентализма, практикующего философа и анархиста Генри Дэвида Торо (1817–1862) «Уолден, или Жизнь в лесу» [Торо Г.Д., 1962]. Эта отсылка, конечно, не была случайной: американская культура (как и вся американская цивилизация) изначально носили утопический, ориентированный в будущее, рассчитывающий на практическое воплощение проект. Книга Скиннера продолжает и развивает мысли Торо о «правильном» устройстве бытия, мере должного соотношения свободы и необходимости, степени взаимопроникновения приватной и публичной сфер жизни, необходимом соотношении индивидуального и общественного. Напомним, каким образом решали эти вопросы оба автора.

Подобно Сократу, для которого знание и практическая жизнь были не отделены друг от друга, Торо воплощает свои идеи в особого рода эксперименте: два года, два месяца и два дня своей жизни он проводит в одиночестве в построенном им самим доме на берегу Уолденского озера в лесах штата Массачусетс [Торо Г., 1962]. Что привело Торо к подобному опыту? Причин множество: это и своего рода отказ от нарождающегося технологического потребительского общества с его расточительностью, излишеством, бесконечной, все убыстряющейся гонкой; и эксперимент в ведении домашнего хозяйства минимальными средствами; и поиск «сырых» и «диких наслаждений» природы; и попытка испытать себя, освоить необжитые границы природы, культивируя при этом природу собственной души (своего рода толстовское «опрошение» или вольтерьянское «возделывание своего сада»); и, как итог всему вышперечисленному, — стремление привести мир в порядок, гармонизировать хаос, обрести то самое единство и счастье переживания «совокупного

целого сущего» [Торо Г., 2001]. Более того, Торо не только подвергает испытанию и проверке теоретические положения американских философов-трансценденталистов: на символическом уровне он как бы вновь возрождает коллективный опыт самой Америки, жизнь американского «фронтира», движущегося к неизведанным границам ойкумены [Венедиктова Т.В., 2003]. И это еще не все. Торо не остался только лишь созерцателем, отшельником-одиночкой, «сбежавшим» от трудностей социального мира. Напротив, он активно участвовал в жизни американского общества, выступая с позиций аболиционизма, гражданского неповиновения и мирного сопротивления. На эти его идеи непосредственно ссылались такие видные общественные и политические деятели, как Л. Толстой, М.Л. Кинг, М. Ганди и — шире — сторонники либертарианства или даже анархизма. Таким образом, можно отметить, что большой интерес к наследию Торо во многом связан с идеальным образом американского интеллектуала, парадоксального мыслителя, занимающегося как общественной борьбой, так и уединенными медитациями, соединившего в себе импульс стремления к независимости личности с причастностью к общественно-политическим проблемам своего времени.

Казалось бы, книга Скиннера говорит о других вещах: на смену тонкому душевному самоанализу пришла социальная инженерия, которая требует от исследователя несколько иных интеллектуальных навыков: креативности, изобретательности, умения анализировать проблемные ситуации, способности к организации взаимодействия. Если мысль Торо движется внутрь, вглубь, обнаруживая единство внутреннего и внешнего, индивидуального и природного, то бихевиорист Скиннер рассматривает внутренний мир человека, состояния сознания и чувства в рамках экспериментальной науки как просто физические явления. Если размышления Торо неизбежно приводят в область этического, постулируя свободу воли, ответственность индивида за собственный жизненный проект, то внимание Скиннера обращено на обстоятельства окружающей среды, источники стимулов, детерминирующие наше поведение. Никакой свободы воли, т.е. необусловленной спонтанности, случайности в субъекте нет. И все же Торо важен для Скиннера: само название «Уолден Два», конечно же, явля-

ется отсылкой, и возможно, это название можно интерпретировать как «Уолден для двоих», т.е. попытку рассмотреть путь личностной реализации не через уединение и отшельничество, а напротив, в компании, в социуме, сообществе единомышленников.

Как Скиннер описывает идеальное (в его понимании — научно-организованное) общество? Коммуна проживает не в мегаполисе, а в рамках небольшого поселения (около тысячи человек) вблизи от природы (эта идея предвосхитила тенденцию к переезду жителей городов в пригороды, так называемые субурбии). Экономика общины практически самодостаточна, люди выполняют разнообразную работу (чередуют умственный и физический труд) не более четырех часов в день (идея гибкого рабочего графика). Рационально организован досуг уолденцев, он исключает (не на уровне запрета, а просто как нечто избыточное) алкоголь, сигареты, азартные игры; жители много читают, занимаются спортом, полезными хобби. В отличие от Уолдена Торо, в этом обществе отсутствует культ аскезы, но формируется рациональная культура потребления, учитывающая факторы психологии, экологии, здоровья потребителей.

Социальная структура общества состоит из четырех групп, разделенных по роду занятий: планировщики, менеджеры, рабочие и ученые. Совет планировщиков из шести человек (трое мужчин и женщин) является правительством общины, он разрабатывает политику, формирует планы развития, контролирует работу менеджеров — ответственных руководителей в какой-либо области (строительство, общественное питание, образование, и т.д.). Срок полномочий планировщиков ограничен десятью годами, ротация в их среде происходит из числа кандидатов, выдвигаемых менеджерами (т.е. управленцами становятся не профессиональные политики, а люди, достигшие наиболее значительных успехов в своем деле). Никаких преимуществ статус планировщика или менеджера не дает, эти должности занимают не из корыстных соображений, а просто из желания заниматься более ответственной и сложной работой. Рабочие являются непосредственными производителями товаров и услуг в Уолдене Два. В обществе отсутствуют деньги, работа основана на системе «кредитов» — тяжелый,

неприятный труд дает работнику большее количество кредитов, чем работа легкая и приятная, что высвобождает большее количество времени для досуга рабочего. Существует возможность и даже приветствуются практики смены сферы деятельности и места работы. Поскольку в Уолдене Два ценится эффективность и полезность, а не праздность и показное потребление, то отсутствует представление о престижности/непрестижности работы. Всякий труд, приносящий пользу обществу, заслуживает почета. Таким образом, в Уолдене Два отсутствует праздный класс, отсутствуют те, кто не нашел себе занятие в соответствии со своими интересами («преждевременно состарившиеся», как называет их Скиннер) [Skinner B.F., 1948, p. 33], там нет преступности, профессиональной нетрудоспособности, алкоголизма или игромании, нет безработицы из-за плохого управления, гораздо ниже заболеваемость. И все это благодаря внедрению гибкого графика, чередования разных форм работы, распределения «неинтересной и не творческой» работы между всеми членами социума.

Последняя группа в Уолдене Два — это ученые, которые проводят эксперименты «в области селекции растений и животных, контроля поведения младенцев, различных образовательных процессов и использования некоторого сырья» [Skinner B.F., 1948, p. 49–50]. Хотя об ученых в романе сказано немного, нам понятно, что их задача — познание мира. В этом контексте любопытно сравнить положение ученых и планировщиков в Уолдене Два с положением мудрецов-философов в идеальном государстве Платона. Представляется, что для Платона Знание и Власть были неотделимы; знание идеи обличало человека правом созидания, и воин-страж, реализуя конкретную политику, лишь воплощал знание философа-мудреца. В Уолдене Два планировщик управляет на основе знания, открытого ученым, причем это знание не является абстрактным, метафизическим; это конкретное, позитивистское, экспериментально верифицируемое знание, воплощающееся в сельском хозяйстве, экономике, организации работы коммунальных служб, но, что самое главное, в воздействии на психологию индивида. Изначально человек ни плох, ни хорош, таким, какой он есть, его делает внешняя среда, которая награждает, наказывает или игнорирует

ет поведенческие реакции животных и людей. Следовательно, именно внешняя среда нуждается в правильном управлении для достижения желательного поведения, поэтому: «Дайте мне инструкции по обращению с человеком, и я дам вам человека» [Skinner B.F., 1948, p. 37].

Подобно платоновскому идеальному государству, дети в Уолдене Два с рождения попадают в специальное учреждение, где воспитываются под присмотром педагогов: это дает возможность освободить силы и время биологических родителей на выполнение их профессиональных функций, общаться с детьми тем, кто лишен возможности испытать родительское счастье, избавляет ребенка от зачастую травмирующей, невротической любви родителей, это дает возможность детям брать примером в жизни тех, кто достоин этого, а не является лишь биологическим родителем. В конце концов это упраздняет институт семьи как устаревший, родственные связи не имеют какой-то особой ценности, люди относятся друг к другу с дружелюбием и пониманием безотносительно их биологических связей. В обществе не принято обсуждать личные дела другого, вторгаться в пространство приватного. Вместе с тем в этом обществе утверждены весьма свободные взгляды на любовь и секс — все в духе отказа от собственнического отношения к другому человеку.

Обучение ребенка представляет собой не работу по единой программе, а свободный процесс усвоения интересного для ребенка, прежде всего — практических навыков. С детства ребенок выполняет простую работу и к шестнадцати годам становится полностью самостоятельным. Можно предположить, что педагогика станет второй после психологии наукой в обществе, это будет наука, воспитывающая нового, неэгоистичного, созидательного человека. Интересным представляется вопрос о роли педагога, наставника: станет ли эта работа чем-то специальным, важным и ответственным (как, например, работа наставника в платоновском государстве, помогающего раскрыть знание, заложенное в душу каждого воспитуемого, «озаботившегося» о нем с целью формирования у него способности «заботы о себе»), или эта работа, как и другие, будет продолжаться в течение четырех часов в день, чередуясь с иными формами трудовой деятельности, демонстрируя ученику как сам социальный аппарат, рациональность его бытия требуют от него социаль-

но-полезных качеств: трудолюбия, альтруистичности, коммуникабельности, усердия?

Итак, центром жизни этого общества является не экономика или религия, а психология: задача планировщиков состоит в разработке жизненной стратегии, не вызывающей катастроф, кризисов и иных поводов для негативных эмоций; задача менеджеров заключается в устройстве дела так, чтобы любой работник получал необходимые позитивные подкрепления за исполнение нужных для общества работ. Рациональное управление формирует рациональную ментальность и общественную психологию: коллективистские ценности здесь важнее индивидуальных, здесь отсутствует идея исключительности личности (в положительном «альтруистическом», а не отрицательном «эгоистическом» смысле), жители не стремятся выставить свое «Я» как высшую ценность, здесь отсутствует культ правителей, героев, равно уважают каждого человека независимо от его возраста, пола, выполняемой им работы. Важно, что в социуме воистину царит культ служения во благо общества: жители учатся выполнять свою работу с уважением, удовольствием, терпимостью и самоконтролем, не ожидая похвалы и не хваля другого. Люди не испытывают депрессий, переживаний по поводу собственной нереализации или неполноценности, нет тяжелого переживания одиночества, зависти или жадности. Люди постоянно контролируют свое поведение, они рассчитывают в жизни на самих себя, не перекладывают бремя ответственности на правительство, историю или традицию. Здесь нет злорадства, зависти или иных форм ресентимента, нет необходимости в конкурентной борьбе, т.к. нет зависимости от материальных благ. Если подобные установки и возникают, к этому человеку относятся как к нездоровому, и с ним работает психолог.

Наверное, можно сказать, что в этом обществе отсутствует политика. Противоречия между различными людьми, социальными группами разрешены уже на уровне рациональной организации благодаря планированию, прозрачности принятия решений, отсутствию фаворитизма, протекционизма и иных форм коррупционного поведения. Политика замещается администрированием. В обществе отсутствует пропаганда и какая-либо идеология, отсутствует какая-то четкая, единственно правильная картина мира. Ценностью общества становится

идея прогресса, развития, оно призывает своих членов «рассматривать каждую привычку и обычай с целью возможного улучшения» и «постоянно экспериментировать со всем» [Skinner B.F., 1948, p. 25].

Конечно, Уолден Два — это в чем-то наивная просвещенческая утопия, основанная на упрощенном, несколько механистическом понимании человеческой природы, на вере во всеислие Разума, Знания, Истины. Несмотря на это, некоторые идеи этого проекта нашли, пусть и косвенным образом, свое воплощение в нашей жизни. Изменяется культура потребления, показная роскошь становится признаком дурного тона; представления об эстетике, эргономичности жилого пространства воплотились в практике дизайна, недорогой, но удобной мебели, утвари и бытовой техники; воплощается в жизнь идея гибкого рабочего графика, удаленной работы, потребности постоянного обучения, саморазвития. Уже применяется на практике идея базового безусловного дохода как нормального, естественного условия состояния человека. Все большее воплощение в жизни находят различные формы сетевых организаций, вертикальных структур, плюралистичных моделей и форм социальной организации.

«Минимальное государство» Р. Нозика и «постмодернистский буржуазный либерализм» Р. Рорти — новый взгляд на утопию

Со времени первой публикации «Уолдена Два» прошло уже более семидесяти лет, и мир за это время изменился гораздо больше, чем мир двух Уолденов, разделенных между собой столетием. Наверное, пришло время для Уолдена Три. Что происходит с осмыслением будущего в американской культуре? Традиция утопического теоретизирования во-многом оказалась забыта. Господствующее в американской гуманитарной науке аналитическое направление реализует неопозитивистскую программу, в которой практически нет места социально-утопическому прожектёрству. Но есть и свои исключения. В качестве примера можно привести работу американского политического философа Роберта Нозика «Анархия, государство и утопия» (1974), в которой автор обосновывает либертарианский идеал «минимального государства» — политического состояния, в котором власть возможна только на уровне защиты

граждан от посягательств (классический «ночной сторож»), не вмешиваясь более ни в какую область жизни. Минимальное государство не порождает какой-то оформленной структуры и, по сути, представляет собой, как называет его автор, «доминирующую защитную ассоциацию». Иные, социальные, внешнеполитические, культурные функции реализуются «снизу» самим обществом, порождающим необходимые институты и связи. Свобода выбора, стихия рынка вызовут к жизни наиболее приспособленные для этого формы, и вмешательство извне только вредит этой самоорганизации, которая, вспоминая Лейбница, есть воистину «лучший из возможных миров». Взяв из идеи «категорического императива» ту мысль, что люди должны относиться друг к другу как к цели, а не как к средству, автор занимается не описанием конкретных форм идеального общества, а разработкой его условий, в его терминологии — «рамки», которая задает границы его устройства. В границах этой рамки минимальное государство обращается с индивидами как с неприкосновенными индивидами, носителями собственных идеалов и ценностей, среди которых нет «правильных» или «неправильных». Позиция Нозика «решительно отрицает детальное заблаговременное планирование одного общества, в котором должны жить все, но она сочувствует добровольным утопическим экспериментам и предоставляет для них основу, которая позволит им расцвести» [Нозик Р., 2008, с. 405]. Автор не дает конкретных ответов на вопрос, каким будет идеальное общество, «место утопического конечного состояния статических теорий утопии занимает утопический процесс» [Нозик Р., 2008, с. 404], а идея «рамки» и нужна для того, чтобы задать пространство, в котором реализуются индивидуальные утопические эксперименты.

Еще один проект утопии, названный «постмодернистским буржуазным либерализмом», представил американский философ Ричард Рорти. В основании его проекта лежит различие публичной и приватной сфер личности — внимание к ценностям сообщества с одной стороны, и апелляция к собственным интересам, желаниям, переживаниям (что он именует термином «идиосинкразия») — с другой. Попытки создания универсальной программы нравственности, увязывающие приватную и публичную стороны в единый контекст, неизбежно

приводили к право- или левототалитарной идеологии. Эти сферы необходимо разделять, и поскольку проблема границы между личной уникальностью и общественной целесообразностью не имеет теоретического разрешения, ее необходимо разрешать через практику практического экспериментирования [Рорти Р., 2001].

Размышляя о фундаменте либеральной формы солидарности, Рорти отказывается от его универсалистского (всеобщность прав и свобод человека) характера по причине отсутствия нейтрального критерия, который был бы способен дать нам возможность соотнести образ либерального (а, впрочем, и всякого иного) сообщества с идеальным. У нас остается только возможность сравнения известных нам форм кооперации, а также утопическое теоретизирование. Ценность либеральной утопии состоит не в ее способности проникнуть в некие скрытые до сих пор области бытия, но в развитии нашего воображения «через мысленную способность видеть в чуждых нам людях товарищей по несчастью. Солидарность не раскрывается рефлексией, но создается. Она создается повышением нашей чувствительности к определенным подробностям боли и унижения других, незнакомых нам людей» [Рорти Р., 1996, с. 20].

Утопический проект американского философа показывает, что в постметафизической культуре должен произойти поворот от теории к нарративу, сообщество будет организовано не столько на рационально-обоснованной программе (о чем писал Скиннер), сколько на эстетическом чувстве, сродни поэтическому признанию «случайности языка», «случайности истины», «случайности самости». Эта культура должна обращаться к бесконечному многообразию нарративов, жизненных стратегий, практик, увязывающих историю и современность с утопическим будущим, а главное, что «она видела бы в воплощении утопий бесконечный процесс — бесконечно расширяющуюся реализацию Свободы, а не конвергентное движение к уже существующей Истине» [Рорти Р., 1996, с. 21].

Автор, конечно, понимает историчность и этноцентричность «постмодернистского буржуазного либерализма», порожденного западным обществом, однако оправдывает данный этноцентризм его особенностью, связанной с его противоречивостью, недоверием к самому себе. Если этнополитическая «солидарность», с одной стороны, является постмодернистской,

то с другой она является буржуазной, а значит, из нее следуют и философские, и политические выводы: если с философской точки зрения этноцентризм антигуманен, т.к. допускает дискриминацию «маргинализированных» субъектов, то с политической точки зрения антигуманизм неприемлем, т.к. противоречит демократическим принципам либерализма: «Именно в традиции нашего общества защищать слабых и униженных, изгнанных и обездоленных, всех нуждающихся в сочувствии и в восстановлении попорченного достоинства. На этот иудеохристианский элемент в нашей традиции с благодарностью и надеждой уповают подобные мне атеисты, которые хотели бы сохранить различия, существующие между кантианством и гегельянством, чисто философскими. Представление о реальности таких вещей, как естественные права человека и врожденная нравственность, так же мало относится к очерченной здесь практической проблеме, как решение вопроса о существовании Бога, — полагаю даже, никак не относится» [Rorty R., 1990, p. 202].

«Открытость», незавершенность утопического проекта Рорти сближает его с проектами Торо, Скиннера и Нозика. Если в классической утопии (Мор, Кампанелла, Платон и др.) жизнь личности и социума была предельно регламентирована, то постмодернистский буржуазный либеральный проект американского мыслителя декларирует лишь его общий принцип, а именно — случайный характер его практик, институтов, а также той языковой игры, в которую втянуты агенты этого социума. Такой утопический проект выглядит скорее наброском, фрагментом с размытыми контурами, нежели четкой программой действия. Вполне в духе постструктуралистской «смерти автора» мыслитель приглашает читателя и общественность к сотворчеству, предлагает обсудить разнообразные жизненные стратегии, выражающие общественную надежду и частные ожидания. Результатом этого сотворчества и должно стать понимание возможности сосуществования разных утопических миров, которые ставят под вопрос status quo и заставляют усомниться в выборе верной стратегии.

Заключение

Говоря о том, каким образом может быть воплощена интуиция американского философа в реальности, мы можем отметить мультикультуральные процессы в современном западном

мире; растущий индивидуализм, который поощряет разнообразие и уникальность различных форм жизни и практик, связанных с той или иной областью приватной сферы — эстетической, сексуальной, игровой. Вместе с тем мы видим падение интереса значительной части людей к публичной сфере: политика как общее дело умерла, и даже западная демократия воспринимается ее апологетами как шоу, разыгрываемое элитными группами [Рорти Р., 1998]. Особую силу приобретает ощущение, модус бытия или состояние, названное британским социологом Зигмундом Бауманом «ретротопией» [Бауман З., 2019], которое можно понимать как тоску по прошлому, постоянное возвращение назад, переживание уже пережитого, неверие в будущее, забвение надежды на перемены к лучшему. Примером ретропии на социальном уровне может стать, например, трампистский лозунг «Make America great again», который говорит американцам о необходимости вернуться к величию, оставленному где-то в прошлом. О схожих с ретропией вещах писал и британский мыслитель Марк Фишер, переосмысляя общую ситуацию с позиции «хонтологии» или «призракологии» — бытования уже несуществующего как существующего, состояния некогда бытовавшей, но так и не сбывшейся надежды на прогрессивное движение в будущее [Фишер М., 2010]. Провозглашенный Фукуямой «конец истории» привел к отказу от будущего в пользу бесконечного повторения одних и тех же сюжетов и их смешивания, стилизации стилизации и обреченности на пребывание в застывшем времени. Все это породило разочарование для глобализованного общества позднего капитализма, вместе с которым пришли депрессия как основной симптом времени, тоска по другим, уже недоступным сценариям развития культуры, которые теперь отголосками, словно дежавю, врываются в настоящее, порождая щемящую ностальгию.

Еще одно свидетельство кризиса утопии — все растущее конспирологическое мышление, объясняющее социально-политическую и культурную действительность с позиций заговора, искажения реальности, подтасовки фактов, манипуляций, сознательного игнорирования чуждой информации (селективное влияние), воздействия пропаганды, фейковых новостей [Halafoff A. et al., 2022]. Доля людей, которые

верят хотя бы в какие-то конспирологические теории, по-видимому, высока и, по некоторым оценкам, составляет около половины населения США [Oliver J.E., Wood Th., 2014] и Италии [Mancosu M. et al., 2017]. Общественное сознание порождает разного рода легенды, слухи, моральные паники и массовые психозы. Типологическими становятся сюжеты о «своих» и «чужих» — мигрантах, террористах, тайных правителях, и т.д. Возникают представления об альтернативной науке, искаженной истории, заговорах в фармакологии, медицине. Более того, формируется новый модус общественного сознания, названный исследователями «conspirituallity» (название является неологизмом, образованным из двух слов — conspiracy (заговор) и spirituality (духовность)). К типичному для всякой конспирологии представлению о тайном правительстве и заговоре добавились элементы нью-эйдж о «новой эре», сдвиге парадигм, «пробуждении» сознания, «расширении границ своего Я». На смену социально-политической утопии приходят оккультные, эзотерические программы «пробуждения», «просветления». Многочисленные гуру, популярные блогеры-мотиваторы и тренеры личностного роста обещают человеку путь к счастью и гармонии. Возможен ли при всем этом Уолден Три? Кажется, что пока (уже) нет.

Список литературы

- Баталов Э.Я.* Социальная утопия и утопическое сознание в США. М.: Наука, 1982. 336 с.
- Бауман З.* Ретропия / пер. с англ. В.Л. Силаевой. М.: ВЦИОМ, 2019. 160 с.
- Венедиктова Т.В.* Разговор по-американски: дискурс торга в литературной традиции США. М.: Новое лит. обозрение, 2003. 328 с.
- Нозик Р.* Анархия, государство и утопия / пер. с англ. Б.С. Пинскера. М.: ИРИСЭН, 2008. 424 с.
- Рорти Р.* Обретая нашу страну: политика левых в Америке 20 века / пер. с англ. И.В. Хестановой, Р.З. Хестанова. М.: Дом интеллект. кн., 1998. 128 с.
- Рорти Р.* Случайность, ирония, солидарность / пер. с англ. И.В. Хестановой, Р.З. Хестанова. М.: Русское феноменол. о-во, 1996. 282 с.
- Рорти Р.* Троицкий и дикие орхидеи / пер. с англ. А. Эткин // Неприкосновенный запас. 2001. № 3(17). С. 7–17.
- Торо Г.Д.* Высшие законы / пер. с англ. З.А. Александровой, Э.Ф. Осиповой, В.В. Сонькина. М.: Республика, 2001. 412 с.
- Торо Г.Д.* Уолден, или Жизнь в лесу / пер. с

англ. З.А. Александровой. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 240 с.

Фишер М. Капиталистический реализм / пер. с англ. Д.Ю. Кралечкина. Екатеринбург: Ультракультура 2.0, 2010. 144 с.

Halafoff A., Weng E., Roginski A., Rocha C. Introduction to the special issue: (Con)spirituality, science and COVID-19 // *Journal for the Academic Study of Religion*. 2022. Vol. 35, no. 2. P. 133–140. DOI: <https://doi.org/10.1558/jasr.23529>

Mancosu M., Vassallo S., Vezzoni C. Believing in conspiracy theories: evidence from an exploratory analysis of Italian survey data // *South European Society and Politics*. 2017. Vol. 22, iss. 3. P. 327–344. DOI: <https://doi.org/10.1080/13608746.2017.1359894>

Oliver J.E., Wood Th. Medical conspiracy theories and health behaviors in the United States // *JAMA Internal Medicine*. 2014. Vol. 174, no. 5. P. 810–822. DOI: <https://doi.org/10.1001/jamainternmed.2014.190>

Rorty R. *Objectivity, Relativism, and Truth*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 238 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781139173643>

Skinner B.F. *Walden Two*. N.Y.: Macmillan Co., 1948. 266 p.

References

Batalov, E.Ya. (1982). *Sotsial'naya utopiya i utopicheskoe soznanie v SShA* [Social utopia and social hope in USA]. Moscow: Nauka Publ., 336 p.

Bauman, Z. (2019). *Retrotopiya* [Retrotopia]. Moscow: VTZIOM Publ., 160 p.

Fisher, M. (2010). *Kapitalisticheskiy realizm* [Capitalist realism]. Moscow: Ultrakultura 2.0 Publ., 144 p.

Halafoff, A., Weng, E., Roginski, A. and Rocha, C. (2022). Introduction to the special issue: (Con)spirituality, science and COVID-19. *Journal for the Academic Study of Religion*. Vol. 35, no. 2,

Об авторе

Куликов Михаил Вячеславович

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных, социально-экономических дисциплин и информационных технологий управления

Кузбасский институт ФСИН России, 654066, Новокузнецк, Октябрьский пр., 49; e-mail: philosophy_mk@mail.ru
ResearcherID: KBC-1938-2024

pp. 133–140. DOI: <https://doi.org/10.1558/jasr.23529>

Mancosu, M., Vassallo, S. and Vezzoni, C. (2017). Believing in conspiracy theories: evidence from an exploratory analysis of Italian survey data. *South European Society and Politics*. Vol. 22, iss. 3, pp. 327–344. DOI: <https://doi.org/10.1080/13608746.2017.1359894>

Nozick, R. (2008). *Anarkhiya, gosudarstvo i utopiya* [Anarchy, state and utopia]. Moscow: IRISEN Publ., 424 p.

Oliver, J.E. and Wood, Th. (2014). Medical conspiracy theories and health behaviors in the United States. *JAMA Internal Medicine*. Vol. 174, no. 5, pp. 810–822. DOI: <https://doi.org/10.1001/jamainternmed.2014.190>

Rorty, R. (1990). *Objectivity, relativism, and truth*. Cambridge: Cambridge University Press, 238 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781139173643>

Rorty, R. (1996). *Sluchaynost', ironiya, solidarnost'* [Contingency, irony, and solidarity]. Moscow: Russkoe Fenomenologicheskoe Obschestvo Publ., 282 p.

Rorty, R. (1998). *Obretaya nashu stranu: politika levykh v Amerike 20 veka* [Achieving our country: Leftist thought in twentieth-century America]. Moscow: Dom Intellektualnoy Knigi Publ., 128 p.

Rorty, R. (2001). [Trotsky and the wild orchids]. *Neprikosnovenny Zapas*. No. 3(17), pp. 7–17.

Skinner, B.F. (1948). *Walden Two*. New York: Macmillan Co Publ., 266 p.

Thoreau, H.D. (1962). *Uolden, ili Zhizn' v lesu* [Walden or life in the woods]. Moscow: AN SSSR Publ., 240 p.

Thoreau, H.D. (2001). *Vysshie zakony* [Higher laws]. Moscow: Respublika Publ., 412 p.

Venediktova, T.V. (2003). *Razgovor po-amerikanski: diskurs torga v literaturnoy traditsii SShA* [American conversation: bargaining discourse in the US literary tradition]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 328 p.

About the author

Mikhail V. Kulikov

Candidate of Philosophy, Docent, Associate Professor of the Department of Humanities, Social and Economic Disciplines and Information Management Technologies

Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 49, Oktyabrsky av., Novokuznetsk, 654066, Russia; e-mail: philosophy_mk@mail.ru
ResearcherID: KBC-1938-2024